

Алексей Евтушенко

Бег петуха

Алексей Анатольевич Евтушенко
Бег петуха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153989

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

14

Алексей Анатольевич Евтушенко Бег петуха

Памяти Сергея Тимофеева, эсквайра

* * *

Я ждал её на том же месте, где обычно ждал в те, иные времена иной страны.

Я ждал её уже минут двадцать, прислонившись плечом к светлокожему стволу городского тополя. В горле першило от сигарет и плотной летней пыли, щедро пропитанной бензиновой гарью, но я опять лез липкими от пота пальцами в мятую пачку, ломая спички, прикуривал; глотал с отвращением сухой и горький дым; обшаривал глазами прохожих и проезжающие мимо автомобили.

Она могла прийти пешком или приехать на такси.

Теоретически она даже могла сойти с троллейбуса.

Солнце окончательно сошло с ума и прекратило своё движение по небу, застряв навечно в высшей точке. Выпитая для успокоения нервов полчаса назад водка, искомого успокоения не принесла. Она не принесла даже банального опьяне-

ния – летом лучше пить, разумеется, херес. Впрочем, херес пить лучше всегда, как мне доходчиво однажды объяснила красавица-дегустатор в одном из винных погребков ещё советского Кишинёва.

Я пропустил её, к собственному стыду.

Безнадёжно устаревший, бережно выпестованный в памяти образ юной и беспечной Артемиды в жёлтом платье, открывающем умопомрачительные колени, не захотел совместиться с оригиналом.

А может быть, меня просто подвело мимолётное воспоминание о кишинёвской красавице-дегустаторе...

Загорелая чужестранным загаром стильная женщина в короткой светлой юбке и таком же жакете поверх легкомысленной летней маечки (и никакого бюстгальтера!), остановилась, улыбаясь, напротив. В полутора метрах.

Колени остались умопомрачительными. Всё остальное – тоже.

Она медленно сняла шикарные солнцезащитные очки иглянула мне в лицо.

Оказывается, я не забыл этот взгляд, потому что сердце как будто исчезло на секунду из груди. И стало понятно, почему солнце стоит на месте, – просто оно запуталось в её волосах.

Да. Этот серый взгляд я узнаю.

Мне ничего не оставалось делать, как уронить сигарету и шагнуть ей навстречу.

Братское объятие и сестринский поцелуй.

– Ты неважно выглядишь, – заявила она со всегдашней своей бесцеремонностью и плотно взяла меня под руку.

– Должно быть, по контрасту с тобой, – я постарался улыбнуться. – Ты выглядишь на чемодан долларов. На очень большой чемодан.

Мне вряд ли нужно было произносить вслух вторую часть фразы – мелкая судья мечь. Но я сам не люблю себя, когда выгляжу плохо.

– Старалась. Для тебя, – на её чистый лоб легла чуть заметная вертикальная морщинка.

– М-м... спасибо. Я тоже, вообще-то, старался, но, как видишь, не очень преуспел. В июле человек никак не должен быть в этом городе. В июле человек должен быть на песке у моря. Или на бережку у речки. Или в лесу на травке.

– Ага, – охотно подхватила она. – И пусть рядом стоит большущий холодильник с пивом!

Мы оба посмеялись над моей пожилой мечтой. Морщинка исчезла.

– Куда мы идём?

– Вообще-то, нас ждёт Пашка. Я тебе от него звонил.

Но если ты...

– Нет, я рада. У него прохладно и по Пашке я тоже соскучилась.

Встречные прохожие мужского пола с идиотским однообразием заводных болванчиков оборачивались нам вслед.

Точнее, вслед ей.

Когда я не в форме, меня не провожают глазами даже дешёвые проститутки в парке имени Культуры. А я был явно не в форме. И давно.

В том, трижды проклятом и незабываемом феврале, нам тоже оборачивались вслед. Не только мужчины – все.

Какой был день тогда?

«Ах да, среда», – ответил бы Владимир Семёнович Высоцкий. Может быть, и среда, не знаю...

Очередная, по-моему, четвёртая с того самого вечера по счёту, истерика накрыла Ирину прямо в такси, а чёртова тачка всё никак не могла одолеть обледеневший подъем за три квартала до моего дома.

Раз за разом мы скатывались и скатывались назад.

Ирина в терцию вторила надсадному вою двигателя. Матёрый, все повидавший на своём шофёрском веку водила, ругался сквозь стиснутые зубы нехорошими словами, колеса бессильно визжали на гладком льду, и, наконец, в нас врубился сзади новенький «жигуль». Или мы в него?

Мне оставалось только поспешно расплатиться, безжалостно выпихнуть Ирку из салона и тащить её дальше буквально за шкурку сквозь прозрачный режущий февральский ветер по зеркально вылизанному этим самым ветром ледяному тротуару.

Хорошо, что я тогда был в форме. Физической, понимает-

ся.

Ещё бы нам не оборачивались вслед! Истерика Ирины имела в диаметре не менее ста пятидесяти метров, а мы находились в самом её эпицентре.

Дважды нас останавливала милиция, и трижды она пыталась меня укусить. Причём один раз у неё это получилось.

Уже почти у самого подъезда, когда стало совсем невмоготу, я сильно и больно отхлестал её по щекам, и до сих пор мои ладони горят при воспоминании об этом.

.....

Вот и опять я стучу каблучками рядом с Ленечкой по знакомой улице. Совсем как в старое доброе время.

Та же родная улица, тот же родной город и тот же родной Ленечка. Хотя не тот, не тот, конечно. Постарел, что ли Ленечка? Ах, какой был мальчик! Весёлый да кудрявый... Или просто повзрослел? Или не удаётся жизнь. Морщины стали резче, и прибавилось их числом; седина то и дело мелькает в чёрной шевелюре. Хорошо хоть не облысел... Ах, Ленечка, Ленечка! Ах, лето...

Тогда тоже стояло долгое и жаркое лето. Самая середина, помнится. Совсем, как сейчас. На мне было то самое жёлтое платье из марлевки, и я только-только прикатила с черноморского побережья – вся из себя загорелая и гладкая, словно кегля.

Что за компания собралась тогда в «Берёзке»? Нинка с Валеркой были, ещё кто-то... А! Этот грустный архитектор,

не помню, как его звали, который, кажется, предназначался мне. И ничего ему, бедняжке, не обломилось. Ни тогда, ни потом. Ещё кто-то был, не помню уже всех.

Пили мы пиво и ели раки. Или рыбу. Нет, всё-таки, кажется, раки. Лёня тоже пил пиво за соседним столиком совсем один, и я обратила на него внимание, потому что он мне понравился. Вернее, не то, чтобы понравился, а... заинтересовал, что ли.

Вот, подумала я, сидит молодой и очень симпатичный черноглазый парень. Почему-то один. Такие редко бывают одни – не тот типаж. Сидит, потягивает пиво и явно на меня поглядывает. Ещё бы он на меня не поглядывал... А познакомиться, дурак, не подходит.

Как-то скучно веселилась наша компания.

Потом я отошла в туалет. А когда вернулась, Лёня уже свободно расположился за нашим столиком, на котором среди толстых пивных кружек изящно высились три, купленные им, бутылки хорошего «Ркацители», и скука, словно побитая собака, отползла в сторону.

– Здравствуйте, – сказал он, откровенно глядя мне прямо в глаза. – Меня зовут Леонид.

– Ирина, – я улыbnулась самой соблазнительной из своих улыбок.

Переспали мы в ту же ночь.

Он просто остановил проезжающую машину и отвёз меня ко мне домой. Родители как раз были в отъезде...

Да, Ленечка.

Дура я, дура набитая, и так мне, дуре, и надо. Хорошо, что хоть друзьями остались, и в тот страшный февраль он оказался рядом. И Пашка тоже. И были доллары, много долларов и хорошие знакомые за границей, которые нашли клинику и помогли положить деньги в банк.

А-а, вот и остановочка трамвайная. Та самая.

Ох, ну его к чёрту! Уеду опять в Швейцарию. Тихая, спокойная, уютная страна. Денег пока хватает...

Нет.

Врач совершенно определённо сказал, что я должна сюда вернуться и снова все вспомнить. Спокойно. Спокойно все вспомнить.

Вспомнить так, как будто всё это случилось не со мной, а с совершенно посторонним мне человеком.

Я здорова.

Я здорова уже.

Я все могу вспомнить.

Заканчивался январь...

Заканчивался январь. Небывало лютая зима разгулялась, словно пьяный рэкетир на вещевом рынке. Даже солнце боялось замёрзнуть, и поэтому быстро пробежало по короткой небесной дуге свой положенный путь и пряталось на западе, – так плохо одетый прохожий выскакивает по необходимости зимой из дома и торопится нырнуть в метро, где тепло

и можно доехать до нужного места.

Да, январь заканчивался, но казалось, что эта зима будет длиться бесконечно.

Поздним трамваем я возвращалась домой.

Мороз, терзавший город с упрямым ожесточением всю последнюю неделю, нехотя отодвинулся, уступая место тяжёлому липкому снегопаду.

Я устроилась на переднем сиденье и через лобовое стекло вагона отлично видела, как всё произошло.

Трамвай уже основательно замедлил ход перед остановкой, когда откуда-то слева, из ночной снежной тьмы, выскочил на рельсы парень в дорогой дублёнке, без шапки и с большим «дипломатом» в руке.

Он вполне мог успеть (вагон замедлял ход буквально на глазах), но в последнюю секунду поскользнулся на рельсах, качнулся назад, взмахнул рукой, судорожно пытаясь восстановить равновесие... – и тут красная махина, добротная сработанная на заводах древней Праги, всей своей многотонной массой ударила его в голову.

Парня отшвырнуло к бровке тротуара, он упал, и вагон окончательно остановился.

– Ах ты... – с тоскливой горечью в голосе сказала вагонновожатая, открыла двери и неохотно стала выбираться со своего водительского места, чтобы по долгу службы посмотреть, жив человек или уже нет.

Я тоже вскочила на ноги и хотела было выскочить в снего-

пад, чтобы как-то, возможно, помочь, но тут в передних дверях вагона появился сам виновник дорожно-транспортного происшествия. Пошатываясь, он поднялся в салон и тяжело плюхнулся рядом со мной на сиденье.

Всю правую сторону его головы и воротник дублёнки обильно заливала кровь.

– О, Господи! – выглянула в салон вагоновожатая. – Ты жив, парень?

– Все нормально, поехали, – он пристроил «дипломат» между ног, поощрительно махнул рукой и зажал рану носовым платком.

– Послушайте, – опомнилась я, – вам срочно необходимо к врачу. У вас же вся голова разбита!

– Пустяки, – он повернулся ко мне, и я впервые близко увидела его глаза.

О, сколько раз потом прожигал меня насквозь этот чёрный луч вечного страдания...

И что бы мне тогда не сойти на той же или следующей остановке?

Поздно, поздно...

Трамвай тронулся, и я вся уже была в странной и страшной власти этих зимних глаз.

.....

Слава лету!

Мы любили друг друга при первой возможности и невозможности и физически не могли разлучиться даже на несколько часов.

Родители Ирины уехали отдыхать куда-то в Курскую область, в деревню (так ты у меня, курчанка, Ирочка? Да, я курчанка, и вообще красавица), и в нашем полном распоряжении оказалась трёхкомнатная квартира в тихом и зелёном районе города. И у меня в кармане приятно шуршали хорошие – по тем временам, конечно! – деньги, вовремя полученные за вовремя же сделанную большую и трудную работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.